

United States Holocaust Memorial Museum

Interview with Yefim Chudnovsky
May 1, 2019
RG-50.030.1027

PREFACE

The following interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Rights to the interview are held by the United States Holocaust Memorial Museum.

The reader should bear in mind that this is a verbatim transcript of spoken, rather than written prose. This transcript has been neither checked for spelling nor verified for accuracy, and therefore, it is possible that there are errors. As a result, nothing should be quoted or used from this transcript without first checking it against the taped interview.

YEFIM CHUDNOVSKY
May 1, 2019

Lucy (Q-B): Hello! Hello! Hello!

Yefim (A-O): Hello! My name is **Yefim Chudnovsky**

В: Ефим, это я, я Вас слышу уже. Всё в порядке, мы на связи. Вы меня слышите?

О: Да

В: Всё отлично. Сейчас мы начнём, и я хочу Вам напомнить, что, оператор на линии будет записывать нашу беседу, и я начну, так как я Вам говорила, с предложения на английском языке о том, что мы начинаем интервью, потом я сразу перехожу на русский, и мы с Вами беседуем. Хорошо?

О: Хорошо. Меня слышно?

В: Да, очень хорошо. Всё в порядке. Всё, мы начинаем.

This is a United States Holocaust Memorial Museum phone interview with **Yefim Chudnovsky** conducted by **Liliya Meyerovich**, on May 01, 2019. **Yefim Chudnovsky** is now in **Chicago, Illinois**. The Interview is conducted in **Russian**.

В: Здравствуйте!

О: Добрый день!

В: Мы начнём с того, что я попрошу Вас представиться. Назовите, пожалуйста, Ваше имя и фамилию.

О: Я **Ефим Чудновский** 1(9)35 года рождения.

В: Вы можете сказать день и месяц, когда Вы родились?

О: 17-го августа.

В: 17-го?

О: 18-го

В: 18-го. А в каком городе Вы родились?

О: Я родился в городе **Звенигородка, Киевской области**.

В: Ефим! Как звали Ваших родителей?

О: Папу звали **Исрул по-еврейски, Израил**.

В: А отчество?

О: **Моисеевич**. 1885 года рождения.

В: Вы помните или знаете, в каком месте папа родился?

О: Нет. Это я не знаю.

В: Но это была **Украина**?

О: Да, в городе **Звенигородка, Украина, Киевской области**.

В: А как звали маму?

О: Маму звали **Мэни**, а писалась она **Мария Ефимовна Чудновская**.

В: А её девичья фамилия?

О: Девичья фамилия её **Летучая**.

В: Интересная фамилия, а Вы не знаете, откуда она, такая фамилия у мамы?

О: Я не знаю происхождение фамилии, я знаю, что она родилась в **посёлок Лысенко** – это недалеко от **Звенигородки**.

В: Вы знаете, как родители познакомились? Как, каким образом они стали вместе?

О: Нет, это я не знаю.

В: Они не рассказывали?

О: Что ___ мама была у папы второй женой.

Interview with Yefim Chudnovsky

May 1, 2019

В: У папы были дети от первого брака?

О: Да, у папы от первого брака было четыре сына и одна дочь.

В: Они жили тоже в Звенигородке?

О: Они все родились и жили в **Звенигородке**.

В: Вы с ними были знакомы?

О: Со старшими я мало был знаком, а младшими и сестра __ жила с нами, два брата.

В: Младшие два брата и сестра, Ваши, по отцу, Ваши братья и сестра жили с Вами, да?

О: Да

В: Вы можете назвать их имена?

О: Да,

В: Пожалуйста!

О: Сестра была **Ася 1913** года рождения, брат **Яков 1915** года рождения и брат **Леонид, Йосиф его звали, 1919** года рождения. Они до войны уже служили срочную службу и погибли во время войны.

В: Да, а почему получилось так, что они жили с вами?

О: Они ещё были __ они родились и жили с папой, с нами, конечно, были, и сестра жила с нами.

В: Скажите, **Ефим**, а у Вас были ещё родственники, вот в **Лысенке**, откуда мама родом?

О: Нет я знал только маминого брата, он жил в **Киеве**. Это мамин старший брат, он жил в **Киеве**. Его звали **Ицик**, я его видел после войны. У него было семья и трое дочерей.

В: И Вы с ними со всеми знакомы были до войны или уже после войны встречались?

О: До войны я их не помню.

В: А его дочери, **Ицика** дочери, были старше Вас?

О: Да, конечно. Старшей дочерью была **Дора**, её звали, **1924** года рождения, **Маня 1926** года рождения и **Нина 1929** года рождения.

В: Они все остались живы после войны?

О: Да, они были в эвакуации, и были все живы, и две уже умерли, а меньшая находится сейчас в **нэрсигхоме (дом престарелых) в Чикаго**.

В: То есть, после войны Вы с ними продолжали общаться?

О: Да

В: Понятно. Скажите, а кроме **Киева** где-то на **Украине** ещё у Вас были родственники, Вы помните, до войны?

О: Нет. Никого у нас не было больше, я не знаю. Были родственники, я знаю со слов, что папины две сестры уехали, одна в **Америку**, а одна, якобы, уехала в **Мексику**. Значит, одна сестра уехала где-то в **1913** или **[19]12**ом году, она уехала в **Нью-Йорк**. Вот её муж был **Давид**, и у неё было две дочери. Вот и ещё другая эта тётя – папины сёстры уехали в **Мексику в 1927** году, фамилий я их, конечно, не знаю.

В: И Вы никогда, семья никогда с ними не общалась?

О: Общалась. Они присылали письма и посылки до войны и после войны. Когда мы вернулись из эвакуации, было письмо одной [сестры] из **Америки**, но мы были так запуганы, мама моментально его уничтожила, и никаких следов не было больше.

В: Понятно, да. А Ефим, что Вы помните о родителях? Кем они работали до войны?

Interview with Yefim Chudnovsky

May 1, 2019

О: Значит, до войны мой папа работал общество **РАЙТОЖ [Ш]** называлось – этот общество слепых. У него был мастерская, и он работал, жестяные работы выполнял в основном. Любые мог делать. До войны папа сделал сам машину, которая выкатывает мацу. Всё ж было запрещено! Но он ничего никого не боялся, он рабочий был, и у нас была печь большая, и люди местечка могли прийти и у нас испечь на **Паслу [Пасху]** мацу. Вот это я помню. А мама была домохозяйка. Она была портниха, она обшивала всю семью.

В: А кроме братьев Ваших, от первого брака отца, и сестры, у вас были ещё братья или сестры?

О: Значит, у мамы была до моего рождения, родилась девочка, звали её **Идуся**. Она ходила в садик, и там ей сделали прививку, и получилось заражение крови, и она умерла. После этого родился я.

В: Понятно. Скажите, **Ефим**, Вы застали бабушек и дедушек?

О: Значит, с нами жила только папина мама

В: Как её звали?

О: Катя

В: Ага, а дедушки с ни с папиной ни с маминой стороны и бабушку с маминой стороны Вы никогда не видели?

О: Нет, нет.

В: Бабушка была ещё... могла помогать маме по хозяйству?

О: Нет она помогать не могла, но она была, как бы, на ногах. Она была уже в очень пожилом возрасте. И она осталась в **Звенигородке**. У нас был большой дом, и она говорит: «Я останусь смотреть за домом. Меня, старушку, никто не тронет».

В: Да, ну это мы вот попозже поговорим о начале войны и так далее. Расскажите о Вашем доме. Вы помните какой он был? Как он выглядел?

О: Конечно. Мы вернулись, дом остался целым. У нас даже жили квартиранты в доме.

В: Это до войны ещё было или после?

О: Это до войны, да мы сдавали часть дома, а основная часть была нами занята. У нас, у сестры была большая комната, хорошая. У нас была своя спальня, столовая была, кухня была, и бабушкина комнатка была ещё тоже, где она находилась.

В: У Вас был сад? Огород? Какая-то живность?

О: Нет, этого мы ничего не держали.

В: То есть, вы ничего не высаживали вокруг дома, да?

О: Нет, мы ничего не садили. У нас были фруктовые деревья, было несколько. А так остального ничего не было.

В: Скажите, Ефим, а на каком языке вы дома разговаривали?

О: Дома мы разговаривали на русском языке. Только папа с мамой общались на еврейском языке, и с бабушкой тоже.

В: Но Вы еврейский язык до войны не знали? Да? Вы не могли на нём разговаривать?

О: Нет, Нет я его только во время войны немножко изучил во время холодной зимы.

В: А старшие братья и сестра не говорили на идиш?

О: Да, да они все говорили.

В: Но когда разговаривали с Вами, переходили на русский?

Interview with Yefim Chudnovsky

May 1, 2019

О: Ну со мной – да, они общались на русском языке. Два старших брата, до войны, когда папа женился на маме, они уехали в Киев, они уже были обучены папой специальности, вот, и они уже могли зарабатывать, и они уехали жить в Киев. И там они вышли __ женились, и у них даже были дети.

В: Это Вы говорите о **Иосифе и Якове**?

О: Нет, это брат **Николай 1910** года рождения и **Борис 1911** года рождения.

В: А погодите, так Вы сказали, что Ваши братья по отцу = это были **Лёня (Иосиф) и Яша**, да?

О: Это которые жили с нами до войны.

В: Так, а **Борис и Колман (Коля)** – это старшие папины сыновья?

О: Да, они когда папа женился на маме, они решили уехать в **Киев** жить и там работать.

В: Скажите, а еврейские традиции соблюдались в семье? Вы помните, как отмечались еврейские праздники?

О: Нет, это я не помню.

В: Не помните, да, до войны?

О: Нет, это я не помню. Я только помню, я был сладкоежка, и у нас горела керосиновая лампа ночью, и папа сделал над стеклом треногу, и на треноге стоял заварочный чайник со сладким чаем, я мог ночью проснуться и попить чай тёпленький.

В: А вот Вы сказали, что папа сделал специальную машину для изготовления мацы. Значит на пасху мацу делали? На еврейскую пасху?

О: Да, конечно отмечали, но я полностью этого всего не помню. Мне было пять лет всего

В: Вы не помните, кто-то приходил ещё на праздники к Вам, совсем не помните?

О: На праздники приходила папина двоюродная сестра, жила с сыном и дочерью. Она вышла замуж тоже, и она жила в **Екатеринополе**. Это тоже недалеко от **Звенигородки**, местечко еврейское. И у неё был __ она тоже вышла замуж за мужчину вторично, который у него жена умерла и была у него дочь **Лиза**. Она уехала тоже в **Киев** и работала машинисткой, ну печатала на машинке.

В: А как звали сестру папину двоюродную?

О: Её звали **Зисл – Зина**.

В: Так вот они приходили к вам на праздники, вы помните это?

О: Это они были. Они очень были нам близки. У неё был сын **Борис**, родился в **1921 году** и дочь **Рая 1926 года рождения**.

В: А вообще Вы помните, в **Звенигородке** было много евреев?

О: Да, это было еврейское местечко, и сейчас ещё есть там люди живут. Я на кладбище __ они мне делают услуги по уходу за могилой мамы.

В: Еврейское общество, да?

О: Да.

В: Вы не помните, в **Звенигородке** была синагога до войны или молельный дом?

О: Где-то собирались, я не знаю. Синагоги не было. Наверное, было всё запрещено. До войны была вообще ещё еврейская школа. И **Борис**, который у тёти, окончил десять классов еврейской школы.

В: А кроме евреев, какие ещё национальности жили в **Звенигородке**?

О: В **Звенигородке** жили украинцы и евреи.

Interview with Yefim Chudnovsky May 1, 2019

В: И как они общались между собой? Вы помните что-нибудь?

О: Были дружеск ____ [ph] У нас даже приходила женщина и помогала маме по хозяйству, по уборке, и она даже после войны пришла к нам, когда мы с мамой вернулись, думала, что и папа есть, будет тоже помогать что-то, но нам она уже не нужна была, она только мне нужна была, когда я остался один [всхлипывает]. Она брала мои вещи, стирала мне, за деньги, конечно.

В: Вы ходили в детский сад или Вы были дома с бабушкой?

О: Я был дома с бабушкой и с мамой. Я в детский садик не ходил.

В: Но тем не менее, у Вас были друзья? Соседские ребята?

О: Да, да были. Значит, напротив нас жила семья **Гутарцев**, и у них было трое детей: сестра **Рая**, брат **Давид** и брат **Борис**. Они __ мы с ними после войны встретились опять. Они вернулись в Звенигородку, и я с ними дружил, с ребятами.

В: А с еврейск __ с украинскими ребятами Вы дружили?

О: Когда учился в школе, да, у меня были друзья.

В: Это уже после войны?

О: Да

В: А до войны, Вы не помните, чтоб вы активно общались?

О: Я только эту семью помню. Это был дом напротив нашего дома.

В: У них тоже был большой дом?

О: Да, у них был большой (дом) и семья у них была большая.

В: И родители дружили и вы с ребятами, да?

О: Да-да. И после войны они вернулись тоже туда, и мы даже вместе в школу ходили.

В: Ефим, Вы помните как Вы узнали о начале войны?

О: Это для меня __ ну говорили родители, что надо уезжать, надо бежать, хотя надеялись, что это не надолго и ... всё. Ну как получилось, это никто не представлял себе.

В: Родители одни говорили о том, что надо бежать или к вам приходили ещё соседи, обсуждали это или вы знаете, что многие вокруг вас тоже собирались уезжать? Как это всё происходило?

О: Да, конечно, все были в таком состоянии тревожном, что надо уезжать. Ну и кто как мог. Я не знаю, как все уезжали, но только помню нашу семью и папиной сестры двоюродной, с которыми мы эвакуировались.

В: Вы говорите о **Зисл**, папиной сестре.

О: Да.

В: Расскажите, что Вы помните, как вы подготавливались к эвакуации, как это всё происходило?

О: Папа и дядя, **муж Зисл**, пошли на рынок, у нас рынок был большой, и там цыгане торговали, и лошадьми, и подводами и своими вещами всякими, кузнечными, особенно. И вот они решили у них (цыган) купить две подводы – это телеги такие, типа цыганской кибитки, и пару лошадей в упряжке, и этим мы решили эвакуироваться.

В: Скажите, Ефим, Вы говорите о цыганах: они всегда стояли где-то рядом с вашим местечком, всегда табор был рядом, или они приезжали периодически?

О: Они приезжали, они __ места у них постоянного жительства не были. Они кочевали, вот.

Interview with Yefim Chudnovsky

May 1, 2019

В: Всегда одни и те же приезжали к вам или разные?

О: Я не знаю этого. Во всяком случае, они могли нам помочь в этом, чтобы мы могли уехать со **Звенигородки**, потому что железная дорога у нас и пригородная станция была 10 или 12 километров от **Звенигородки**, а потом надо было ещё ехать, куда мы не в состоянии были, уже некогда было просто.

В: Вы взяли с собой самое необходимое, погрузили на подводы?

О: Да, самые необходимые вещи взяли и захватили фотографии, конечно, вот, что они сохранились у меня по сей день.

В: Это важно.

О: Да. Сестра – очень много было у неё друзей, и всегда компаниями собирались. У меня эти фотографии тоже есть, где она со своими друзьями отдыхают, гуляют.

В: Вы не помните, приблизительно, когда вы покинули **Звенигородку**?

О: Мы покинули **Звенигородку** где-то, я думаю, в конце июня.

В: (19)41-го

О: Да, и мы ехали не знаю куда.

В: Вместе с вами и семьёй тётки **Зисл** ещё другие семьи отправились?

О: Нет, с нами только было две подводы. И они ехали: тётка с дочерью и с мужем.

В: А напомниме, пожалуйста, как мужа звали ещё раз.

О: Мужа звали **Лейб. Лей... Лей... Лёва**

В: **Лёва**

О: И он был, конечно, немножко моложе папы. Я его точно не помню, их дни рождения, ни папу, ни тётку, а **Раю** я помню.

В: И вот вы отправились. Вы отправились на **восток**

О: Да, поехали на **восток**. Я только помню, что мы ехали ...дали, [брали] переправу через **Днепр**. Была - паромом надо было переправляться. Было очень опасно. В то время бомбилось и обстреливалось эта территория.

В: **Ефим**, а до того, как вы добрались до переправы, что ещё в пути вы помните, что происходило? Вы встречали людей из других местечек, которые двигались в этом же направлении?

О: Нет, мы никого не знали. Помню, что мы ещё проезжали **Кировоград**, и был тоже налёт, бомбёжка, обстрел сильный, что мы разбежались, кто куда мог бежать.

В: Это была открытая местность, там где вас застала бомбёжка?

О: Да, да, да и ложились лицом вниз, чтоб не видеть этих ужасов и всё. И что будет с нами, никто не знал.

В: И опять таки были только ваши две семьи, больше не было вокруг людей, или ещё были?

О: Нет, мы только вот вдвоём были, две семьи.

В: Как вы питались по дороге, вы что-то взяли с собой, но наверное этого хватило только на первое время?

О: Мы взяли кое-что и с собой и кое-что и обменивали на вещи, потому что людям уже деньги не надо было, и в общем, остановки делали, там, где-то, где можно было остановиться. Нам и местное население помогало, очевидно, я это точно уже не помню.

Interview with Yefim Chudnovsky

May 1, 2019

В: И так вы каким-то образом пережили эту бомбёжку в районе **Кировограда** и отправились дальше?

О: Да, да мы ехали дальше и мы доехали до **станции Боковская**.

В: Расскажите, пожалуйста, подробнее о том, как вы переправлялись через Днепр, если Вы ... что Вы помните об этом?

О: Переправа была... нас погрузили на плот... эти...на баржи, и мы ехали вместе с лошадьми и с подводами. Но эта переправа была, конечно, очень рискованная, потому что не знали, когда и куда попадёт бомба, которую сбрасывали.

В: Там уже на **Днепре** конечно были ещё люди кроме вас, да?

О: Да, да много было людей. Но кто куда ехал, мы не знали и ни с кем мы не общались.

В: И было много таких барж, как паромов, которые перевозили?

О: Да, да, была большая очередь, чтобы переправиться через **Днепр**.

В: А руководили переправой военные?

О: Я уже__

В: Не помните, не помните. И вот вам... Вы не помните, сколько времени вы прождали прежде, чем смогли переправиться?

О: Тоже я по времени не могу.

В: День? Два? Полдня? Не помните совсем, да?

О: Ничего времени__

В: И это был, это был где-то июль ещё наверно, да?

О: Ну это да, был может наверно и август уже был, точно не знаю, вот потому что мы переехали и дальше поехали, вобщем всё на **восток**, мы ...(думали) что туда немец не дойдёт.

В: И где произошла ваша остановка, такая длительная?

О: Значит, последнее мы доехали Уже зима началась, потому что уже холодно, нельзя было находиться в этих условиях, и мы доехали до **станции Боковская, Ростовской области**, и там вообще под станицей хутора были, и была молочно-товарная ферма и __ кафе. И там мы остановились и ждали лошадей и подводу __ в колхоз и пошли, папа пошёл работать. У него специальность была нужная всем.

В: Ефим, я Вас перебую. Вы говорите, что уже холода наступили, когда вы добрались до **Ростовской области**. Всё это время, когда вы шли, вы могли останавливаться ночевать в каких-то домах или вы всё время на открытом воздухе на подводах ночевали? Вы не помните это?

О: В домах не были ни у кого, только помню что мы всё время были в дороге.

В: Значит вы добрались до **станции Боковская** и остановились на каком-то хуторе, и папа пошёл работать в колхоз.

О: Да-да он пошёл работать и дядя тоже пошёл работать. Он столяром был. Эти специальности везде нужны.

В: Скажите, а как вы нашли дом где поселиться на хуторе?

О: А наши поселили, уже местные, ну сельсовет. Кто, я не знаю. В общем, они нас поселили в дом, где была большущая комната, и все семь человек там находились.

В: И хозяева как отреагировали на то, что вы вселились к ним в дом?

Interview with Yefim Chudnovsky

May 1, 2019

О: Ничего никто ни к нам никаких претензий не имел, и по-моему, этот дом был принадлежал сельсовету или кому-то, потому что там хозяев не было в доме.

В: А вы там одни жили?

О: Да-да. И там ещё когда наши войска уже отступали к **Сталинграду**, там находились тоже останавливались военные, и я помню, как они ... (*голос дрожит*) делили хлеб, порции. Разрезали пилой – хлеб был мороженный, и разрезали на количество человек, и потом один солдат становился спиной, а один, который резал хлеб, называл имя, кому эта пайка доставалась.

Я, когда они резали, подстелил газетку или бумагу, и все крошки – это были мои.

В: Мы к этому вернёмся ещё. А расскажите, пожалуйста, про сам хутор. Там было много домов на этом хуторе?

О: Нет. По несколько домов были хутора, и недалеко друг от друга. Я помню последний хутор, где вот это бои шли когда уже наши наступали. Это назывался по-моему,

Евлантьево.

В: А кроме вас там были ещё эвакуированные, на этом хуторе или на ближайших?

О: Нет, здесь мы никого кроме наших семей не было.

В: Скажите, а хуторяне знали, что вы евреи? Это вообще как-то мусировалось?

О: Ну я думаю, что они знали, но, очень __ как говорится, добродушно к нам отнеслись.

В: Доброжелательно

О: Да

В: Были дети Вашего возраста? Вы с ними подружились?

О: Да-да, были дети ихние, вот. Я с ними ходил в поле, помогал, как говорится, пасти скотину.

В: Вы сказали, что папа и дядя стали работать в колхозе. Папа - жестянщиком, дядя – плотником или столяром?

О: Да

В: А женщины чем занимались, мама и тётя, и сестра, и двоюродная сестра?

О: Они все занимались домашним хозяйством, и они местному населению __ они были портнихами, так что они тоже могли местному населению тоже, что надо делать: шить, перешивать. В этом они тоже нуждались.

В: И они зарабатывали деньги или продукты им давали за эту работу?

О: Нет, только продуктами

В: Ну это, конечно, вам очень помогало.

О: Да, конечно.

В: Вы начали говорить об отступлении наших войск – советских войск. Когда это могло произойти, Вы не помните?

О: Это произошло, со слов сестры **Раи**, она ж была старше меня, что немцы вошли 11 июля (19) 42-го года.

В: Значит за какое-то время до этого, советские войска начали отступать, да?

О: Наши войска отступали, и немцы зашли без единого выстрела, спокойно. И немцы ехали на мотоциклах, на машинах и даже на велосипедах двигались. Пешком никто из них не ходил.

Interview with Yefim Chudnovsky

May 1, 2019

В: А Вы сказали, что когда советские войска отступали, они – вот Вы рассказывали как они хлеб делили – сколько времени они в хуторе простояли?

О: Где-то до наступления уже, до весны они были

В: То есть они пробыли несколько недель даже, русские войска на хуторе?

О: Они да, долго не стояли – все ушли на **Сталинград** ушли.

В: Вы не помните, какое настроение у них было, как они себя вели, о чём-то говорили и как они с детьми общались? Ничего не помните такого?

О: Нет, общения я не помню никакого.

В: И настроение какое у них было, Вы тоже не помните?

О: Тоже, ничего не помню.

В: Но вот этот эпизод у Вас врезался в память, как они хлеб делили, да?

О: Да, да

В: И так в июле, Вы сказали, 11-го вошли немцы. Немцы были одни или были ещё какие-то войска с ними? Войска других стран?

О: Значит с **немцами** принимали участие **итальянцы, румыны**. Они воевали вместе с ними

В: И они расселились по хуторам?

О: Они были __ да, в основном, в центральном хуторе была у них комендатура, вот, они находились.

В: И как они вели себя?

О: Ну они местное население особенно, как говорится, не трогали, потому шо они только шо они у них грабили, отнимали всё: птицу, скотину, зерно. В общем они хотел (и) должны были питаться.

В: Так комендатура была на главном хуторе, а на остальных хуторах они жили тоже в домах или они только иногда приезжали?

О: Они приезжали. Они приезжали только отнимать у местного населения, что могли.

В: И как-то им стало известно, о том, что вы евреи, или всё спокойно проходило?

О: Значит, это было, значит, папу сразу взяли в плен, и он попал к __ в плен. Там стояли в столице **Боковской**, в основном, **румыны**.

В: А почему папа попал в плен? Потому, что он еврей?

О: Ну, конечно!

В: Значит они каким-то образом узнали, что папа еврей?

О: Ну да, узнали, ну я думаю. Так что они его забрали, и он им __ как раз зима пошла суровая. Они очень мёрзли, и он им должен был делать буржуйки для обогрева.

В: Что такое буржуйка?

О: Буржуйка - это бочка, в которой вырезается одно дно, делается дверца, и топятся сжигается дрова в ней, и даёт тепло.

В: А бочка металлическая наверно, да?

О: Да, конечно, металлические бочки

В: А как получилось, что папу взяли, а вас не трогали никого?

О: Нас не то, что не трогали, мы уже должны были прятаться. Мы прятались у местного населения. Мы уже не имели постоянного места жительства.

В: То есть вы вот тот большой дом оставили?

Interview with Yefim Chudnovsky

May 1, 2019

О: Да конечно

В: И вы прятались в разных домах? Вас же было много, как вас прятали?

О: Мы по разным квартирам, по разным хуторам были, находились. Мама с тётёй была Ну нас не много. Мама с тётёй была, и я с сестрой был

В: А дядя с Раей?

О: А дядя, когда наши отступали, он бежал тоже, как бы в отступление. И мы не знаем, где он погиб, и что с ним случилось.

В: То есть он ушёл с русскими войсками?

О: Да да да!

О: А Рая тоже бежала с подружкой уже с местной, и она пошла добровольно в армию, и она отслужила всю войну. Она была под чужим, под другим именем и фамилией. Она даже под своим именем не была, и вообще все документы мы уничтожили. У нас не было документов.

В: Значит оставались Вы, Ваша сестра, мама и тётя?

О: Да-да. Папа – это уже когда бои были, это уже потом, а до этого нас всё время прятало население, и мы были, где могли только: и в погребах, и в сараях, и в лесу. В общем, нас всё время прятали.

В: Люди наверно, люди наверно как-то договаривались между собой, к кому вы следующему пойдёте. Вы не знаете как это...

О: Да местное население. Это там **Донские казаки** жили. И однажды я бежал в поле когда, это лето было ещё, тепло, и я вышел из дому и ... Ну недалеко была комендатура. В это время комендант выгуливал овчарку свою. Я увидел их, я быстро побежал к ребятам в поле, а овчарка побежала за мной, схватила меня за локоть и тащит. Я кричал сколько сил было. Он стоял на крыльце и улыбался. Потом, я вижу, он её позвал, и она меня отпустила, и я убежал в поле. Это был такой у меня случай. Потом был случай такой, что я возвращался с поля, и меня подзывает, наверно, офицер немецкий и ведёт меня. Он подвёл к своему домику, где он находился, открывает консерву (*дрожащим голосом*) и посадил меня, говорит : «Кушай!» Я испугался, думаю: “Ну что он хочет от меня?» (офицер) «Кушай!» Я съел, съел это консервы, думаю: «Ну всё! Сейчас расстреляет». Нет. Он меня отпустил (*голос дрожит всё время*)

В: Ну вот и такие случаи были

О: Ну да, (*всхлипывая чуть-чуть*) видно у него сердце тоже ёкнуло. Потом был случай ещё со мной, который я помню. Мама с тётёй, а сестра не была с нами, она была где-то в другом доме её прятали (*всхлипывая*). Находились и тоже работали там в этом домике, и наехала туда подвода. Они же крали подводу волами. Это быки, от. И всё они на эту подводу грабленное собирали и забирали у населения, и тут они застали маму и тётю и меня. Меня они выводят на улицу и говорят: « **Шпрехен зи дойч?**» (Немецкий: «Вы говорите по-немецки?») Я, конечно, молчал. Я понял, что они меня спрашивают. А полицаи были два **украинца и два немца** было. Они говорят: « Треба зняти з нього штанці!» (Украинский: «Надо снять с него штанишки!») Но они этого не сделали, конечно, и когда они набрали полную подводу, и нас взяли, как бы в заложники и погнали впереди подводы, чтобы отправить нас в комендатуру, наверно. Мы не знаем куда они нас хотели. Во всяком случае, мы шли впереди подводы. Быки медленно ж идут, так что мы

Interview with Yefim Chudnovsky May 1, 2019

шли, а они лежали или сидели на подводе и веселились и стреляли вверх, и в это время __ мы каждый выстрел __ у нас были, как говорится, вздрагивали от этих ужасов. Думали: «Щас и в нас будут стрелять». В общем, начало темнеть __ мы проезжал __ они проезжали __ это было посадка леса, и мы поняли, что нам другого выхода нет – надо бежать! И мы рискнули бежать в лес. Они, конечно, уже за нами не решились бежать. Мы им не нужны были, я понял, и они побоялись в лес. Лесов, вообще, они боялись. Вот такие случаи были, что я запомнил.

В: И сколько вы времени тогда в лесу провели, или вы сразу вернулись на хутор?

О: Мы потом потихоньку добрались до хутора и уже __ нас уже местное население прятало.

В: Ну вот эти, Вы говорите, там были эти украинские полицаи, они, понятно, знали, что вы евреи?

О: Конечно, разве их можно __ кто-то мог обмануть? И вообще, я был такой чернявый – я был больше похож на цыгана. Мне даже уже так сказали: «Если ты попадешься или что, говори, что ты цыган». К цыганам не так они приставали, мол, как к евреям.

В: Ну и вот эти **украинские полицаи**, знали, что вы где-то на хуторе прячетесь, но как-то бог вас миловал, да?

О: Нас не искали. Мы им совсем не нужны были. Эта же ж зона почти **под Сталинградом**. Так что мы им не нужны были, и там не было, куда нас девать: или расстрелять или не знаю, что б они могли сделать с нами.

В: **Ефим**, а папа всё это время продолжал быть в плену и работал на румын?

О: Да-да, папа продолжал быть всё время у них, и они его держали, чтобы он им всё помогал. Ну это уже ж наступила когда зима. Это было уже 42й –43й год. Когда начались бои **за Сталинград**, и наши начали наступать. Здесь уже бои начались. Так папа __ они, видно, уже тоже начали отступать, и папа бежал от них и пришёл к нам. Он нас нашёл. Нашёл. Мы, конечно, были очень обрадованы, что папа живой и с нами. Находились, когда бои были, мы в этом хуторе находились, большущий цех был – валенки делали, из шерсти, валенки били, да валяли валенки. Значит, в этом цеху мы были, __ и местное население прятались там, находились днём. Днём это там были бои и всё время обстрелы. Мы даже не знали, кто стрелял: или наши или немцы. Во всяком случае, там был налёт, и стрельба начиналась, и всё в помещении __ темно становилось – от пыли, от всего этого, и в то время там местный старичок топил печку- буржуйку, вот по центру комнаты стояла, потому что холодно же было, была зима, и он топил печку. И тут налёт, стрельба, и попадает в него пуля или осколок, или что, не знаю, и он возле печки погибает (не понятно).

В: А **немцы** ещё в это время были на хуторе или они уже отступили?

О: Они уже отступали, отступили. Но бои продолжались – сопротивлялись они. В общем, потом опять налёт начинается, да ещё стрельба, и погибает там женщина тоже. Это я всё видел. Потом всё утихло. А я ... нам не было где __ мне не хватало места, кто стоял, кто сидел, на чём было. И вот я стоял с тётёй возле спинки стула, и местная женщина на нём сидела. И она встала и пошла. Не знаю, куда ей понадобилось. Во всяком случае, я говорю тётё: «Присядь. Ведь тяжело столько стоять на ногах». Она присела на этот стул. И приходит время, и эта женщина возвращается и говорит: «Встаньте! Это моё место!» Тётя

Interview with Yefim Chudnovsky

May 1, 2019

беспрекословно встала, уступила ей место. И тут опять налёт и стрельба страшная, и попадает этой женщине – не знаю что – но она даже и звук не произнесла. Осталась сидеть на этом месте. А тётё только под глазом что-то прочеркнуло: или пуля или осколок. Мне - ничего. Вот так мы возле спинки стоять остались, и тётя осталась жива. Это судьба!

В: Как долго бои проходили? Вы не помните, сколько дней? Недель?

О: Несколько дней. Это длилось несколько дней. Несколько дней было, а на ночь мы уходили. Ещё сильнее бои ж начинались ночью. Мы уходили в подв(ал) (разрыв связи)

В: Продолжайте, пожалуйста!

О: Хорошо.

В: Вы уходили в погреба?

О: Мы уходили в погреба. У населения там были погреба на улице, и там открывался люк, и в этот погреб спускались все и прятались. Нам с мамой и тётей доставались такие места, что ну негде было стоять. Это же ночь! Возле лестницы входной мы были. И там даже стояла специальная посуда, куда люди ходили оправляться. Вот такое место было. В это время, когда мы прятались и бои шли, папа уже был с нами, и он говорит: «Меня никто не тронет, я никому не нужен». И он говорит: «Я останусь в доме». И он остался в доме, не пошёл, не послушался нас и, __ а сестра была в другом погребе, и на рассвете она вышла из погреба, пошла посмотреть к папе и уже застала его убитым. Лежал он убитым - лицом вниз. И она в это время возвращается к нам, открывает люк погреба, где мы находились. Говорит: «Папа убит». И в это время пролетает снаряд или что, я не знаю, и её ранило тяжело в позвоночник

В: Ойх!

О: И она , конечно очень тяжело болела. Сначала были военные там врачи. Там же и врачей, врачей никого не было. Они кое-какую помощь оказали, но она всё равно не выдержала этого, и (*всхлипывая*) она умерла.

В: А вскоре после этого пришли советские части в хутор?

О: А советские... мы их даже тоже не видели. Быстро шли, как говорится, в наступление. Эта **Сталинградская битва** длилась несколько суток. Это жарило, горело всё. Значит похоронили. Вырыли военные могилу братскую. Там был во дворе, там, где мы находились. И похоронили и военнслужащих погибших, и папу, и этого мужчину, который печь топил, буржуйку топил. Вот такие наши были....

В: И это было приблизительно весной (19)43-го?

О: Да-да это был (19)42, нет 43-й год наверное уже был

В: Но вы ещё не могли сдвинуться с хутора, потому что ещё шла война?

О: Да-да, конечно: Там была война, и нам некуда было ехать. Мы находились там, и когда уже полностью освободилась эта местность, мы переехали в **Станицу Боковская** жить уже. И там в **Станице Боковской**, мама с тётей тоже работали. Мы уже втроём: сестру похоронили и папу. Там мы уже работали, подрабатывали. Мы поселились у одной женщины-казачки. Она жила в доме. У неё на квартире тоже жила семья. Он был преподавателем истории. Слепой мужчина с женой. Она у него была как тоже помощница.

В: Это эвакуированная семья была?

О: Да-да

Interview with Yefim Chudnovsky

May 1, 2019

В: А откуда они были, Вы не помните?

О: Я не знаю их. Даже национальности я не знал. Во всяком случае, нас она поселила, у неё был летний такой домик – курятник. Внизу куры жили, а наверху нас на втором этаже. Мы топили там печка была, топили дровами. Я с мальчишками ходил на берег реки, и рубили хворост, чтоб топить печь. А потом, когда уже тепло стало, я ходил тоже с мальчишками в поле пасти коров от местного населения, и она мне выделяла баночку молока. И уже там в **станции Боковской** я пошёл в первый класс. Учительницу даже помню. Звали **Варвара Пелолеевна (ph) (Пантелеевна)**

В: Учительница была местная или из эвакуированных?

О: Нет, местная была. Пожилая уже женщина

В: Много детей было в классе?

О: Я не помню, не очень. Во всяком случае, учебников не было, писать на чём не было. Мы писали на газетах. Потом мне старые конспекты этот учитель истории давал: они чистые, бумага чистая, только колотая, дырочки, картон такой. Я на этом картоне учился писать.

В: Почему картон был с дырочками?

О: А слепые пишут и читают пальцами.

В: А учитель был слепой?

О: Да-да. Поэтому он мне отдавал, они отдавали старые конспекты ему не нужные.

В: В сентябре 44-го Вы пошли в школу, и когда Вы смогли отправиться домой?

О: Мы уже отправились домой, когда Украина была освобождена, и я окончил, должен был окончить первый класс, значит это был уже 45-й год. Война окончилась. Все, конечно, очень обрадовались, были очень радостные, всё! И начали получать даже письма. Тётя получила **от сына Бориса** письмо, и тут начались разногласия, от какого **Бориса**, или от нашего, папиного сына, или же её. **Два Бориса** ж было. И никак не могли... Но потом, когда прочли, поняли, что это её сын.

В: А он где был, **Борис**?

О: Он в армии. Да-да. Его забрали в Армию служить. Он 21-го года был. А потом получили письмо от **дочери Лизы**. Она работала машинисткой при воинских частях. И она присылала нам бумагу даже, писать письма, и мне доставалось на чём писать немножко, чистую бумагу.

В: Это Вы рассказываете уже о том, как Вы домой приехали?

О: Нет, это ещё в **Боковской** мы жили. Потом получили письмо от **Раи**, которая обозвалась, что она жива. Так что тётя уже немножко поднялась духом. Так что такая была у нас связь, но я уже должен был _____ когда кончил первый класс, это уже был конец войны – победа была, мы решили возвратиться на родину. Эта местность находилась в 170 км от железной дороги. Это **станция Миллерово**. Нам выделили машину, и мы выехали на железную дорогу. Оттуда мы прибыли уже домой в **Звенигородку**.

В: Много людей возвращалось, много людей ехало назад на запад?

О: Назад? На запад? Я не помню. Конечно, в поездах людей много было, но я такого особого не помню ту дорогу.

В: Сколько времени вы добирались?

Interview with Yefim Chudnovsky

May 1, 2019

О: Тоже я не помню.

В: И вы прибыли на какую станцию?

О: Мы прибыли, это **Корсунь-Шевченково (Корсунь-Шевченковский)**, а там пригородный поезд идёт на **Ерки** – станция наша была, где-то под **Звенигородкой**, 12 км от **Звенигородки**. И наш __ когда приехали, дом наш был цел, только всё что было в доме – ничего не было. В доме была рояль большая – не было. Мы её даже узнали у одних людей на селе.

В: Вот я хотела об этом спросить, видели ли вы свои вещи потом у кого-то? О: Нет, нам никто ничего уже не хотел, не вернул.

В: Но вы видели у кого-то в домах ваши вещи, да?

О: Да-да. Ну в основном рояль, а остальное, что можно было, кровати или что, мы уже такого особо не искали.

В: А рояль у вас был, а кто играл на рояле до войны?

О: Очевидно сестра играла. Ну что было ещё: дом был заселён – занят. Нам освободили... Мы заняли вообще с мамой одну маленькую спальню, где они мы жили. А в остальном жили квартиранты, и они уже нам начали платить за жильё.

В: А тётин дом остался?

О: И тётин тоже, у неё там было полдома. Небольшой домик был у неё: две комнатки и кухня. Был тоже целый и тоже она там поселилась.

В: **Рая** после войны приехала к тёте?

О: **Рая?** Да, после войны вернулась к тёте, а до войны жила ещё **Лиза в Киеве**, работала. Вот, так что она приехала к маме, побыла немножко и уехала к сестре в **Киев**. Там она вышла замуж и родилась у неё дочь **Лида**, которая сейчас ещё живёт в **Израиле**. И **Рая** тоже была эвакуировалась в **Израиль** с мужем. Муж там находится в доме престарелых, а дочь работает и живёт... у неё уже внучка родилась и правнуки. Вобщем они живут... местные жители **Израиля** стали.

В: Скажите, Ефим, а многие из **Звенигородки** эвакуировались?

О: Да-да. Кто эвакуировался, тот и вернулся

В: Вернулись практически все, кто эвакуировался?

О: Да, в основном все вернулись. Вернулись: семья **Гутарцев**, вернулись потом семья **Головоневских**, они даже приехали, они жили у нас на квартире, первое время. Потом они получили жильё. Потом вернулись семья **Сахаровых**, рядом с нашим домом были, жили. Потом семья **Б(П)арановатых** – они жили тоже с **Сахаровыми** в одном доме – по полдома у них было.

В: Скажите, как вы узнали, от кого вы узнали, что произошло с бабушкой?

О: Узнали... местное население... По-моему женщина, которая жила у нас до войны, она была там в **Звенигородке**. Она маме что-то рассказывала, я не помню, что было.

В: То есть подробности вы не знаете, как бабушка погибла?

О: Нет, но она очевидно погибла так же, как и все евреи, которые остались в этом местечке.

В: Вот, что вы знаете о судьбе этих евреев? Как это, что произошло?

О: Их тоже вроде собрали и расстреляли. Где и как, я тоже подробности не знаю.

В: Вы не знаете, многие остались? Или большинство всё-таки эвакуировалось?

Interview with Yefim Chudnovsky

May 1, 2019

О: Многие эвакуировались. Может где-то половина и осталась, потому что в нашем доме... значит, когда мы приехали, жила женщина с двумя девочками, её муж погиб. Потом после войны вернулся её брат родной. Осталась его семья в **Звенигородке** – погибла вся. Так что он остался с сестрой жить и воспитывать этих девочек.

В: Ефим, расскажите о Ваших братьях. Во-первых, о **Лёне и Яше**. Они призвались сразу в армию? Были призваны сразу в армию?

О: Они до войны находились в армии

В: Уже?

О: Да-да, они проходили срочную службу, так что мы перед войной получили фотографии в военной форме

В: И когда началась война, они остались в армии?

О: Да-да, они уже продолжали воевать

В: То есть, вы, когда были в эвакуации, не имели от них никаких сведений?

О: Нет, никаких сообщений, ничего не было. Никто ничего не знал. Потом их начали тоже искать, но тоже никаких данных не дали, где они погибли и когда.

В: То есть пришло извещение о том, что они пропали без вести?

О: Да, выходит так.

В: Оба?

О: Да, меньший брат служил в танковых частях.

В: Меньший – **Яша**?

О: Нет, это **Йосиф**

В: **Лёня**?

О: Да **Лёня**. Он был вообще очень отчаянный. И при взятии **Харькова**... говорят, была газета, что первый танк его вошёл в **Харьков**. И больше нигде о нём никто не знал

В: А **Яша**?

О: А **Яша** служил был в кавалерии. Не знаю, какая там могла быть кавалерия. Он в форме кавалериста с шашкой на фотографии.

В: И тоже никаких сведений о его гибели?

О: Нет, ничего. Значит, я в **Звенигородку** приехал с мамой, с тётёй, и я пошёл во второй класс учиться. Там мы жили: мама с тётёй подрабатывали, квартиранты нам платили и вот за счёт этого мы жили.(мама)(в 194)8-м году болела. У неё инсульт был, и всё. *(всхлипывает)* и **(Руля)** – её похоронили *(плачет)*

В: И Вы остались один?

О: Да, я остался один, и приехал старший брат **Николай из Киева**, дали знать. Вообще, у нас с ними связи никакой не было. Они узнали, что папы нет, очевидно, в живых, так что у нас общения особых не было. Но младший брат, **Борис**, он вернулся с войны инвалидом второй группы, на костылях. Он был под **Севастополем**, там пострадал. В честь Победы, его в **Севастополе** записали Почётным гражданином **Героя Севастополя**. Так что он не мог приехать на похороны, приехал старший брат **Коля**, который жил в **Киеве**, и они жили в подвале. Жить тоже у него особенно негде было, а **Борис** жил в коммунальной квартире, была комната, где жило, вообще, пять соседей. Так что тоже жить негде было. Дядя, мамин брат, приехал на похороны и он, конечно, хотел меня забрать

В: Это дядя **Ицик**, да?

Interview with Yefim Chudnovsky

May 1, 2019

О: Да. И **Коля** тоже хотел меня забрать, но я вижу дядя тоже жил в одной комнатке и вне всяких условий: туалеты на улице, и две дочери с ними. Вобщем, их четверо – куда мне ехать было? И я, чтобы не было обидно ни тому ни тому, я решил остаться там. Первое время я ходил кушать к тётё, она ...обед, я на обед ходил. Так я больше остальное дома сам что-то... шо...

В: Квартиранты продолжали у вас жить и платить Вам?

О: Да, продолжали жить и платили мне, и потом я начал всё-таки добиваться, мне начали помогать какую-то пенсию, пособие получить. Я через военкомат послал фотографию **Лёни в Москву**, и они дали подтверждение, что да, был такой военнослужащий – всё. И погиб. Где и когда, конечно не указали. И после этого мне назначили пенсию -122 рубля 50 копеек.

В: Это старыми деньгами?

О: Да. Это был 49-й год или 50-й.

В: Вам было где-то 14 -15 лет?

О: Да-да. И так я жил в **Звенигородке** до окончания школы. Да, мне сказали, что я не могу жить один самостоятельно, поэтому у меня должен быть опекун. Я учился вместе в школе, в одном классе с товарищем, его звали **Лёня, вот и Голованевский** – фамилия. Они у нас жили ещё, мама когда жива была, приехали после войны. Так что он был моим опекуном – папа (Лёни).

В: Почему тётя не могла быть Вашим опекуном?

О: Тётя, значит, она... во-первых, она была пожилая женщина уже, и она... сын приехал с армии, он женился, и жена его окончила в **Черновцах (Западная Украина)** институт или университет, я не знаю, и получила направление в **Челябинск (Россия)**. И они выехали туда жить, в **Челябинск**, и забрали маму. Девочки жили в **Киеве**, а она уехала к сыну.

В: К **Борису**?

О: Да. Так что я ходил тоже... **Голованевские** тоже мне готовили обед. Я с ними обедал. Я платил. Он был моим опекуном. Он был членом партии, он был... его хорошо знала **Звенигородка**. Был на руководящих работах. У них были тоже много друзей. У них был один товарищ, его звали **Ваня Забэло, Иван Забэло**. Он женился на женщине с девочкой, у которой папа погиб. Он её удочерил, и она приняла его фамилию и отчество. И она стала **Анна Ивановна Забэло**. Окончила мединститут и приехала в **Звенигородку** работать. И она работала детским врачом, потом она занималась... была в больнице... работала в больнице с туберкулёзом менингита. Детская больница была такая. И вот при любых моих заболеваниях, она меня забирала.

В: Вы к ней обращались?

О: Да. Она меня ложила в больницу к себе. Она меня дважды посылала в санаторий. В санаторий меня возили, сопровождали с **райкома комсомола (Районный комитет коммунистической молодёжной организации: для возраста 14-28)**. Взрослые. Я ж ещё...

В: Подросток были

О: Подросток был.

В: Скажите, Ефим, вы закончили школу в каком году?

О: В 54-м году я окончил школу. Я поехал в **Киев** поступать. Я подал документы на геолога в техникум, мушо (РН) там форму выдавали бесплатно, стипендия была хорошая,

Interview with Yefim Chudnovsky

May 1, 2019

но я не прошёл. Мне объяснили, что устные экзамены сдал, а на устном меня посадили. Я не поступил, и в 54-м году открылись технические училища – это на базе ремесленных училищ делали годовичные технические училища. Готовили в течение года по специальностям. Значит, в этом училище я получил жильё, жил в комнате, трёхразовое питание, одежду – на полном обеспечении.

В: А ваш дом в **Звенигородке**? Там пока жили квартиранты?

О: Да, остались жить квартиранты. Ну они жили... **Голованевские жили в Звенигородке**, так что они смотрели за домом. Ну дом уже был старенький, конечно, требовался большой ремонт. В общем, пока они смотрели за домом. Я окончил училище и получил направление на военный завод.

В: В **Киеве**?

О: Да-да. По специальности: токарь по металлу. И меня приняли на завод, и я буквально получил общежитие и прописку – всё было оформлено. И я буквально две недели поработал и получил повестку в армию, и я ушёл в 54... 55-м году в Армию

В: Где Вы служили?

О: Служил.... Первый год служил в **Молдавии**, потом в **Западной Украине** служил. Каждый год меняли место службы, потому что в эти годы проходили сокращения войск. И там места, где были свободные, туда нас переселяли

В: А в каких частях Вы служили?

О: В танковых частях служил, притом на танках, которые только в последние дни участвовали в войне. Называлось **Иосиф Сталин 3**. И эти танки были в **Китае** тоже. Так что все участ(ники) все офицеры выехали с **Китая**, оставили им всю технику и получили новую. Ну, так как окончил десять классов и техникум – училище техническое, так что я попал во взвод связи на коммутатор, и я, если бы три года служил, я бы почти не знал, что такое служба. У нас круглосуточное дежурство было. А так как сокращение шло, и я опять попал в сборную такую часть, и там началось опять: курс молодого бойца, как бы. После этого я уже попал в батальон, в танковый батальон. В танковом батальоне обычно служили ребята, которые прошли учебную школу, а я ж ничего не проходил, так что я был рядовой – заряжающий. Экипаж состоял из четырёх человек. Это тяжёлые танки были. В армии я как раз служил – были **Венгерские события**. Нас вывезли были в это время в колхоз, на уборку урожая в **Одесскую область**. Мы туда ехали где-то трое суток, а назад, когда случилось это, мы приехали... где-то меньше суток. Нас на место привезли. Механики водители были в полном обмундировании – в полном боевом, и мы тоже находились в таком положении. И многие части вышли, конечно, в **Венгрию** – пострадали. Нашу часть не тронули, потому что у нас были тяжёлые орудия. Они не нужны были им.

В: А как-то **Венгерские события** между солдатами обсуждались?

О: Да, конечно.

В: Какие были мнения по поводу происходящего?

О: Люди не хотели этой войны и этой бойни. И конечно, настроение было очень плохое. После армии я демобилизовался в 58-м году.

В: То есть Вы три года отслужили?

Interview with Yefim Chudnovsky

May 1, 2019

О: Да, три года отслужил, пришёл и приехал к брату **Борису**, где остановиться... Всё военное у меня было: бушлат, шинель, сапоги – вся моя одежда. Потому что, всё в чем я уехал в армию – всю забрали и выбросили – не знаю куда дели.

В: Наверно Вам бы это уже всё мало было.

О: Конечно, но так со всеми поступали, так и со мной. Так что я приехал и пришёл на завод оформляться. Было положение: откуда взяли, туда надо вернуться. Можно вернуться или надо вернуться. У меня другого выхода не было, и я пришёл на завод, они говорят: «Нам токаря не нужны».

В: Ай-яй-яй!

О: Я говорю: «Ну как же? Ну меня же взяли от завода и всё. Я же их. Жильё мне надо и всё. - «Нет нам не нужны». И всё. Отдел кадров говорит: «Иди, куда хочешь».

В: И что делать?

О: Я «Что делать?» Я пошёл к военкому в военкомат. Я говорю: « Вы меня брали в армию – вот отсюда – почему меня не берут назад? – «Как? Не может быть! (Это.....неясно). Идите! Вас должны забрать. Я опять прихожу. Я говорю: «Я был в военкомате. Мне сказали, только вы должны меня принять назад» - «Нам не надо. Чего это Вы ходите к нам?» Тогда подумал: «Что ж мне делать?» Думаю: «Я ж живу в столице Украины! Пойду в Верховный Совет. А **Верховный Совет** – тогда **Ковпак** был. Меня даже никуда не допустили – там же... там же юристы работают. Они говорят: «Чего Вы пришли сюда? Это Ваше право, Ваше право – прийти на работу и жить.» Я говорю: «Вы ж напишите!» - А мы ничего не пишем. Я опять прихожу, и я говорю, что я был в **Верховном Совете** и меня не берут. Они опять говорят: «Не знаем, нам на надо». Ну что делать? Я пошёл к прокурору. Прокурор мне говорит так: «Вас не берут? Так. Какое основание они имеют?» Я говорю: «Я не знаю, вот мне отказали в жилье и всё». Ну в общем он говорит, что идите, я ещё поговорю. В это время я понял, что мне надо взять справку у паспортистки, что я жил в общежитии и был прописан. Я беру у неё справку, она мне даёт, и я опять иду к прокурору и говорю: «Вот справка, что где я жил и здесь и работал хорошо. “Я сейчас приглашу начальника **ЖКО**, начальника отдела кадров». Он вызвал их всех и меня и говорит: «Шо (**ph**) вы, мол...» В общем, он им дал взбучку, а начальник **ЖКО** мне отвечает: «Ты знаешь, мне сантехник нужен, ты будешь сантехником работать? Я говорю: «Я же не учился на сантехника, я (.училище) на токаря». А он говорит: «Молоток и ключ можешь держать в руках?» Я говорю: «Конечно. Почему же нет?» - «Ничего, иди! Научись!» А он был отставной офицер, начальник **ЖКО**. И вот меня поставили сантехником в общежитие, там, где я жил.

В: Ефим, расшифруйте, пожалуйста, что такое **ЖКО**

О: **Жилищно-коммунальный отдел**, у завода был. В общем я стал учиться, научился, стал сантехником и работал по этой специальности.

В: Так Вы на завод так и не смогли устроиться токарем?

О: Нет, токарем я уже не мог. Меня уже не брали, я куда не мог же идти куда попало, потому что у меня жилья не было.

В: И вообще всё было связано с пропиской: прописка с работой, работа с пропиской.

О: Да-да. Заколдованный круг. И это длилось у меня два месяца. Потом я говорил с **Голованевским**, с опекуном моим. Он говорит: «Ну что **Фима**, ты думаешь вернуться в

Interview with Yefim Chudnovsky

May 1, 2019

Звенигородку?» Я говорю: «Конечно нет» - «Ну тогда надо дом продавать». Это название было «дом». Это уже рухлядь была. Крыша текла, всё рушилось. А за счёт этой квартплаты – тоже невозможно было восстанавливать. И некому заниматься. Оно ему тоже не особо надо было. Так что он мне продал дом, получил я эти копейки. Значит брат **Борис** говорит: «Мне ничего не надо. Покупай всё, что тебе надо, одежду, и живи. Старший брат может быть думал, что я ему должен был деньги какие-то дать, но я видел, что он тоже уже не нуждался так. В общем, я может быть и обидел их или нет, в общем, я ни с кем не поделился. Использовал это на свою одежду и всё, что мне надо было. Такие дела!

В: А то, что Вас не брали на завод – это могло быть проявление антисемитизма или ... Как Вы считаете?

О: Только, только это.

В: Только это?

О: Да-да-да.

В: Ещё какие-то случаи проявления антисемитизма Вы вспомните?

О: Я жил в общежитии, стоял на очереди на жильё. Всем выделяли квартиры. Завод, большие строительства вокруг завода, и поселяли людей, которые жили в общежитии, из ближних сёл, которые работали на заводе. А я... Нашему отделу не выделялось жильё. Тогда я, когда познакомился с женой, это был уже 60... 60-й год, и она жила в коммунальной квартире, у неё была комната отдельная, и в 61-м году мы женились. Я ей сказал: «Могу ли я получить всё-таки жильё?» Я подумал: «Я жил в общежитии, и здесь же коммунальная квартира – тоже же не жильё». Так что мне ничем не ответить положительно, и я выписался с общежития. И был прописан...

В: У жены.

О: В квартиру. После этого, нашему отделу начали выделять жильё. (...ую) пошли квартиры, пошли люди получать. А я понял, что это тоже было связано с этим.

В: А Вы, когда служили в армии, как-то проявлялся антисемитизм или было спокойно всё?

О: Не-нет! Тогда в то время в армии было очень всё спокойно и хорошо. У нас были офицеры, которые прошли войну, уже участвовали в войне, так что всё было очень... все были равны и всем ... одинаково всё было.

В: А потом, когда вы с женой поженились и перешли в её комнату, сколько времени вы там прожили в этой комнате?

О: В этой комнате прожили, пока не начал рушиться. Это был 5-и этажный дом, и начали трещины появляться на лестничных клетках и всего на свете. И нас отселили – это был 1970-й год. Отселяли в новостройки города **Киева**. Мы взяли новостройку... в это время я от завода получил участок – пять соток, и у нас **под Киевом** был участок, дача называлась. Ну мы там работали все выходные, все отпуска до **Чернобыля**. И у нас уже были хорошие урожаи, и домик был, и свет был, газ был, и всё было. Все условия. Думал, пойдём на пенсию, будем там летом жить. И получилось...

В: То есть после того, как **Чернобыль** случился в 86-м году, вы не смогли там ни быть, ничего выращивать, да?

Interview with Yefim Chudnovsky

May 1, 2019

О: Мы были, мы выращивали, но во всяком случае, в отпуск мы уже куда-то уезжали на Юг, старались. В **Евпаторий, Бердянск**, потому что там отдых уже не тот был

В: Ваше решение об эмиграции, Вы приняли из-за **Чернобыля** или по каким-то другим ещё причинам.

О: Нет, мы приняли решение, что был страшный антисемитизм. У меня сын окончил техникум до школы

В: После школы

О: Да, после школы. Он окончил восемь классов и поступил в техникум судостроительный при **Ленинской Кузнице**, и там он проходил практику в механических мастерских, что ему пригодилось это в **Америке**. Так что он окончил техникум, и его забрали в армию. А после окончания техникума, ему дали направление на завод **Стройдормаш**. Это был тоже режимный завод, и я, работая на режимном заводе, сына не взяли, потому что он еврей.

В: Даже при том, что у него было направление?

О: Да-да. Вот и всё. Его направили в институт... При заводе был научно-исследовательский институт. Ну он попал в отдел, там, сварки, и он там работал. А вообще, что у меня ещё было: значит, жена меня уже заставила идти учиться. Говорит: «Что ж ты будешь всю жизнь сантехником работать?» Сын пошёл в первый класс, а я поступил в строительный техникум, по специальности, конечно, и я окончил его и получил диплом. После этого, я на заводе... тоже ж работая, я говорю: «Я окончил техникум, я могу ж теперь на другую работу – (...ма)стером или кем. – «Нет, нам не надо такой специальности. У нас всё есть. Ты нам не подходишь». Так я перешёл... Был рядом с нашим заводом конструкторское бюро контрольных приборов в подчинении **Москвы**. И оно изготавливало детали для космоса и прочие. Даже к нам приезжали несколько раз космонавты. Но я никакого отношения не имел к этому. У нас было только обслуживание, чтобы было только тепло, вода и вентиляция работала – вот это моё обязанности было. Работал при отделе главного энергетика.

В: Но то, что на заводе Вам не дали продвинуться, главной причиной Вы считаете антисемитизм, да?

О: Конечно.

В: А жена Ваша где работала, Ефим?

О: А жена работала бухгалтером в **Жилищно-коммунальном управлении**.

В: Там были у неё... тоже случаи, когда антисемитизм проявлялся каким-то образом?

О: Нет, она такого не ощущала. Я тоже среди населе(ния) среди рабочих, я этого не ощущал. А это было на другом уровне.

В: И в каком году Вы решились на эмиграцию.

О: На эмиграцию мы решились Это было где-то в 90-ые годы. Когда уже наш сын женился. Женился сын у нас в 86-м году и получилось так, что у неё брат старший

В: У невестки?

О: Да, уехал в **Америку**. Он уехал... уже тут и жила, в 86-м году после **Чернобыля**, уехала моего свата сестра родная в **Америку из Киева**, и он... Она всё говорила, что надо ехать нам, писала. И тогда решился её брат старший, уехал. Он уехал и тоже устроился здесь. Он программист. Он хорошо устроился и начал оформлять документы нас на выезд.

Interview with Yefim Chudnovsky

May 1, 2019

И нас должно было ехать восемь человек. Это родители невестки, мы. У нас была одна мама на всех. Это жирно? И одна бабушка у сына. Так что мы должны были собираться и ехать. Но прежде, чем уехать, я (уйти) с этих предприятий, конечно, не мог, я перешёл работать на книжную фабрику. Когда меня брали на книжной фабрике на работу в отдел главного энергетика, так меня главный инженер говорит: «Ты что собираешься уезжать, что ты к нам пришёл?» Я говорю, я не собираюсь, у меня сын в армию должен идти». 1979 год! Сына взяли в 80-м году в армию, и я работал на фабрике до 92-го года. Сын вернулся с армии, женился, родился **внук Саша**.

В: В каком году вы эмигрировали?

О: Мы уехали в 92-м году, на октябрьские (праздники) как раз. 6-го октября мы были в **Нью-Йорке**.

В: Да! Вот такая история!

О: Сыну помогла специальность. Тоже ему помогли устроиться в механические мастерские на станки с программным управлением. Да, сын после армии поступил в институт. Тоже он поступал в институт, он пошёл в строительный институт поступать. Так ему сказали, вы знаете, Вы у нас не поступите, поезжайте в **Полтаву**. Там Вы поступите. Можете себе представить? Я говорю:” С **Полтавы едут в Киев** поступать, а он должен ехать в **Полтаву**, когда у него тут родители и дом и всё”. Тогда он повернулся и ушёл. Так у меня на работе, на фабрике, женщина работала в бухгалтерии говорит: Ефим, не волнуйся, пусть твой сын едет в **Кострому**. Мой сын поехал в **Кострому**, и он поступил без всякого». – “Ну, - я говорю - я знаю? Посоветуемся”. В общем, он решил и поехал в **Кострому**. И он окончил заочно институт, на механика. Приехал в **Америку** когда ему помогли устроиться в механический цех или мастерская (мастерскую, tr.) у хозяина, по обработке металлов, которое ему уже было знакомо. Станки с программным управлением. Но он это всё взял быстро и научился. После этого занимался, пошёл учиться на программиста, вечерами занимался, а днём работал. Окончил и поступил в хорошую фирму, это **СИТИ компания**, и он по сей день там работает. Здесь ещё в **Америке** родилась внучка – американочка. Мы её назвали в честь моей мамы – ровно через 50 лет после смерти мамы, родилась внучка.

В: Как назвали девочку?

О: **Мишел**. Не хотели **Мария**. Но сохранили первую букву.

В: Да. Ефим, спасибо большое за Ваш рассказ. Спасибо большое, что поделились. Я понимаю, что это было не просто, всё вспоминать, через всё это проходить, но это всё будет сохранено для Вашей семьи и для образовательных целей, для следующих поколений. Поэтому это очень важно. Ещё раз, спасибо большое. Я с Вами прощаюсь. А сейчас я закончу фразой на английском языке, и мы с Вами отключимся. Спасибо ещё раз и будьте здоровы!

With this, we conclude the **Holocaust Memorial Museum interview with Yefim Chudnovsky on May 1st, 2019**.

End of File Two

Conclusion of Interview